

	Проект	«СпецИстория»
	Цикл передач	«Реформы Гайдара»
<i>Творческая группа</i> <i>СпецИстория</i>	Материал	Стенограмма ВТОРОГО выпуска

<u>Кургинян</u> <u>Сергей Ервандович</u>	политолог, президент МОФ-ЭТЦ	далее Кургинян
<u>Бялый</u> <u>Юрий Вульфович</u>	вице-президент по научной работе МОФ-ЭТЦ	далее Бялый
<u>Новиков</u> <u>Владимир Владимирович</u>	кандидат исторических наук, ведущий аналитик МОФ-ЭТЦ	далее Новиков

Интернет-телевидение ЕСС.TV представляет цикл передач «Реформы Гайдара» в рамках проекта «СпецИстория». Выпуск второй.

*Из интервью Петра Авена журналу «Forbes» 2 марта 2010 года:
 Вопрос: Команду Гайдара упрекают в том, что осенью 1991-го года у неё не было полноценной программы ...– Конечно, была программа, в том числе толстая такая книга по всем направлениям реформ. Её готовили западные и российские экономисты. Мы сотрудничали с «западниками» через Австрию, через Институт системного анализа, где я работал: из крупных там были Нордхаус, Дорнбуш, Купер, Лэйард. И ещё были поляки Яцек Ростовски, Бальцерович; венгры Тамаш Бауэр, Мартон Тардаш и другие. (Петр Авен: В 1991-1992 годах – министр внешнеэкономических связей РФ)*

ШОПРОНСКИЙ МЕМОРАНДУМ

Новиков: В июле-августе 90-го года в венгерском городе Шопроне проходит семинар группы экономистов из СССР и стран Восточной Европы. Там же были и западные экономисты: Уильям Нордхаус из Йельского университета, Ричард Купер из Гарварда и ряд других. Фактическим организатором семинара являлся Петр Авен, который в тот момент стажировался в Вене в международном институте прикладного системного анализа. По итогам семинара был написан документ, который получает название «шопронского меморандума». Документ пишет группа авторов, в число которых входит Евгений Ясин, Петр Авен и ряд других. В этом документе обозначаются пять ключевых направлений реформы экономики: либерализация цен, коммерциализация крупных предприятий и массовая приватизация мелких, сокращение бюджетного дефицита и прекращение кредитования убыточных предприятий, организация системы пособий по безработице, либерализация внешнеэкономической деятельности. В конце 90-го года этот меморандум был направлен руководству СССР, а в феврале 91-го года он был опубликован на английском языке под заголовком «Советский экономический кризис: как предотвратить коллапс?» Укажем на одну любопытную деталь: в семинаре в Шопроне принимали участие Сергей Алексащенко и Евгений Ясин. Ровно через неделю после семинара началась разработка программы «500 дней», в чем принимают активное участие те самые Алексащенко и Ясин. И «шопронский меморандум» оказывается некой развилкой внутри младореформаторских групп. Она заключается в том, где делать реформы – в СССР или уже в отдельной России. Это условная развилка между Гайдаром и Явлинским. И дальше она плавно идет к августу 91-го года и появлению команды Гайдара уже не в качестве интеллектуального кружка, а в виде правительственной команды, ответственной за проведение экономической реформы в Российской Федерации.

ПРОГРАММА «500 ДНЕЙ»

Бялый: В ходе перестройки, уже с 85-87 гг. в СССР складывались три основные группы реформаторов, если их группировать по концепциям реформ. Первая – «правительственная» группа, у которой основная политическая крыша или кураторская группа была в Совете министров СССР при Рыжкове. Возглавлял эту группу Леонид Абалкин. Он привлек несколько крупных экономистов – академиков Аганбегяна, Богомолова, Арбатова, Ситаряна. Почти вся группа была из Института экономики АН СССР. Группа работала при активной поддержке Юрия Маслюкова, зампреда Совмина. Эта группа не хотела развала СССР. Её элитной базой была часть партноменклатуры, часть руководителей предприятий, производственных комплексов, которые не видели себя в будущем процессе в условиях разрыва хозяйственных связей между республиками. Они считали, что это будет экономический крах, грохнется всё и они тоже. Эту же группу поддерживала часть элит союзных республик, но прежде всего те самые «тюбетейки», о которых мы говорили. Те, которые понимали, что в бездотационном состоянии им придется достаточно плохо. В своей идеологии данная группа ориентировалась на китайский опыт, опыт реформ Дэн Сяопина, она его внимательно изучала, и на советский опыт НЭПа. Там были колебания. Они понимали, что в Китае очень жесткий контроль и почти диктатура, жестко авторитарная модернизация. Им не хотелось двигаться в эту сторону, и склонялись к НЭПу, поменьше государственной опеки. Тем не менее, это была программа ещё в русле западных макроэкономических школ, т.н. «институционалистов», которые считали, что для успешной реформы надо осторожно, постепенно, но упорно выращивать рыночные институты и по мере их становления вводить следующие элементы рынка. Программа группы Абалкина была рассчитана на пять лет. Там были, под контролем партии и государства, постепенный отпуск цен, малая приватизация,

регулирование цен на промышленную продукцию и социально значимые товары и услуги, сохранение госзаказа и постепенный переход от директивного планирования к индикативному, т.е. планированию по ориентировочным показателям и повышению самостоятельности предприятий. Поскольку институционализм там был четко прописан, программа была экономически разумная и поддерживалась крупными международными светилами – нобелевскими лауреатами Джоном Гэлбрейтом, Саймоном Кузнецом, Джозефом Стиглицем. Это была довольно фундированная программа. Была ли она реализуема, честно говоря, не знаю. Ситуация в советской экономике в результате рыночных реформ 88-90 гг. сложилась уже буквально катастрофическая, управляемость её была близкой к нулю. Здравым людям было понятно, что программа экономически состоятельна, но для её реализации нужна авторитарно-диктаторская власть. А экономисты-разработчики и политики, курировавшие её, на диктатуру не была готова. И эта программа не имела сколь серьезной международной политической поддержки. Ни в США, ни в Европе, ни в Китае сохранения СССР не хотели. Поддержка крупных экономистов ничего не значила. Программа была разработана, предъявлена Горбачеву, воспринята с интересом частью элит союзных республик. В это же время разрабатывалась другая программа, группы Явлинского-Петракова. Группа сложилась не сразу. При советнике Горбачева Николае Петракове был Борис Федоров. И они готовили свою программу радикальных и быстрых рыночных реформ. Одновременно группа Явлинского (основными разработчиками были Михаил Задорнов и Алексей Михайлов) готовила программу, называвшуюся «400 дней доверия» – довольно быстрые, радикальные реформы. Причем Явлинский сначала был у Абалкина, и представил программу «400 дней доверия» Рыжкову. Но Рыжков, просмотрев программу, сказал Абалкину, что нечего заниматься глупостями. И тогда Явлинский отскочил. Наши респонденты

утверждают, что тут же к нему пришли Бурбулис и Головков и предложили перейти к Ельцину, на должность вице-преьера по экономике. Явлинский дал согласие, перешел, и в этом статусе позвонил Петракову и предложил идею, которая понравилась не только Петракову, но и Горбачеву, – делать одновременно программу решительных реформ для СССР и РСФСР. Поскольку в ситуации напряжения отношений между советским и российским центрами это было политически для Горбачева весьма важно, то Горбачев за эту идею ухватился, позвал Явлинского и сказал: «давайте работать». Таким образом, в августе 1990 года, за 27 дней была слеплена из наработок Федорова, Петракова и команды Явлинского программа «500 дней». Там были, естественно, многие другие – Ясин ... перечислять не буду, это хорошо известно. Программа была представлена в качестве главной фигуры Станиславом Шаталиным, т.к. Петраков был человек Горбачева и его политически было неудобно ставить, сказали бы, что это горбачевская программа и в России к ней было бы негативное отношение. Эта программа была гораздо более радикальна, чем программа Абалкина-Рыжкова. В ней в первые сто дней – уже приватизация жилья, земли, мелких предприятий, акционирование крупных предприятий, создание на базе Банка СССР и Центробанков республик резервной системы по образцу ФРС США. Резкое сокращение военных расходов, госинвестиций, либерализация розничных цен уже на первом этапе, ещё через 100 дней – вообще всех цен, открытие экономики внешнему миру, в том числе равенство иностранных инвесторов и российских, т.е. рекомендации «вашингтонского консенсуса» в полном объеме. Якобы через 400 дней основные задачи стабилизации экономики должны были быть решены, а в последние 100 дней должна была проявиться тенденция устойчивого роста, начало экономического подъема. С одной стороны, программа в своей научной аргументации как бы следовала модели неокейнсианской экономики. Вот нужно обеспечить в какой-то мере

государственный спрос, чтобы поддержать штаны у предприятий, спрос со стороны потребителей, населения за счет индексации зарплат. Её поддержали международные авторитеты, Лоуренс Кляйн, Алекс Ноув. Но, совершенно понятно, что с точки зрения практической выполнимости это был чистый пиар-маниловский проект. Во-первых, в стране не было ни людей для её реализации ... Никто не знал, что такое приватизация, рыночная экономика, как заставить либерализовать цены, как их ограничить, устанавливать потолки цен, кто этим будет заниматься. Не было ни людей, ни институтов, которые могли это реализовать, тем более за 500 дней. И было понятно, что в силу возникшего бардака программа захлебнется уже на первых тактах, как начала уже захлебываться программа Бальцеровича. Она была ненамного более шоковая, чем программа «500 дней», и результаты были видны. Кроме того, в этой программе была заложена очень мощная разрушительная идея, которая была абсолютно не приемлема для сторонников сохранения СССР. Была идея экономического союза суверенных республик. Фактически, по организации программы ясно было, что речь идет о конфедерации республик, о конфедеративном равенстве. В итоге в октябре 1990 года Верховный Совет СССР обсуждал обе программы, отверг программу Явлинского, но с подачи Горбачева предложил скрещивать ужа с ежом. Академику Аганбегяну было предложено на основе двух программ разработать совместную компромиссную программу. Понятно, что никакого компромисса здесь быть не могло. Разработчики обеих программ об этом сразу отчетливо и решительно заявили. Это была ещё одна мертворожденная идея. Но в этот момент группа Ельцина заявила, что будет реализовывать программу «500 дней». Это опять была чистая пиар-акция, потому что программа была союзная и учитывала участие республик. И одна Россия не могла её реализовать. Это всё как-то так захлебнулось. 17 октября Явлинский подал в отставку с поста зампреда

Совмина России и после путча 91-го года пошел к Силаеву, но одновременно проталкивал программу «Согласие на шанс», якобы для Союза. Программа разрабатывалась в Гарварде, суть её – западные, американские консультанты на американские инвестиции должны руководить рыночными преобразованиями в Советском Союзе. Это тоже всё тихо померло. Программу Явлинского в определенной мере поддерживала старая Европа, которая страшно боялась неожиданных, резких преобразований в СССР. Она понимала, что Америка далеко, а у Советского Союза очень много ядерного оружия, тактического и стратегического. И в ситуации разваливания СССР бомбы могут упасть на Европу. Тем не менее, это всё сдохло. А параллельно была третья группа с программой Гайдара. Складывалась она тоже очень медленно. Она в наибольшей степени была ориентирована на неолиберализм и монетаризм, на максимализм американской группы экономистов неоклассического «разлива». Это Милтон Фридман, Джеффри Сакс, Аслунд и т.д., которые считали, что переход к рынку может произойти вполне сам собой, что главное – создать некую макроэкономическую рамку за счет управления денежной эмиссией и ставками Центрального банка, чем подавить инфляцию, либерализовать во всех направлениях экономику. А дальше невидимая рука рынка довольно быстро всё устаканит и сделает оптимальный экономический порядок. Это был наиболее радикальный извод рекомендаций «вашингтонского консенсуса», который многие авторы «вашингтонского консенсуса» отказывались признавать в качестве нормы. Там были всё-таки люди разумные и понимающие, что институты нужны и без них ничего не получится. Но, тем не менее, команда Гайдара вывесила на флаг примерно такую программу. Форсированная либерализация большинства цен с минимальным количеством осторожно регулируемых, полная свобода предприятий в программах выпуска и производственных связях, форсированная приватизация, отказ от гос.

кредитования предприятий, форсированная либерализация внешней торговли и валютных обменов. Теоретическое знамя этой группы – школа Гарварда, «гарвардские мальчики». Консультировали Гайдара эти «гарвардские мальчики» с Джеффри Саксом. Но, с самого начала реформы Гайдара пошли даже не по «вашингтонскому консенсусу» и даже не по рекомендациям «гарвардских мальчиков». Императивом гарвардской программы форсированного шока было подавление инфляции. Команда Гайдара начала активнейшим образом инфляцию разгонять. После этого Джеффри Сакс и Андрес Аслунд в своих публикациях оправдывались, что они не виноваты. За командой Гайдара стояла определенная элитная группа, российская группа, которая вовсе не собиралась заниматься созданием свободного, эффективного рынка и справедливой приватизацией. Эта команда должна была за счет гиперинфляции ... А в 92-е году шоковая инфляция при Гайдаре достигла 2600 %, были фактически обнулены сбережения населения и счета предприятий по обеспечению текущей деятельности, оборотные фонды. В России не осталось ни экономических субъектов, ни граждан, которые были в состоянии вложить деньги в приватизацию. У кого в этот момент деньги были? Первое, у тех кланов разного сорта, ВПКшных, партийных, хозяйственных, которые успели вывезти часть денег за рубеж в виде вкладов в зарубежные банки. И у тех теневиков, деятелей криминальной экономики, которые также успели осуществить подобные операции в рамках кооперативов и совместных предприятий, разрешенных в 1988-89 гг. Вот под них, нужным людям, причем за бесценок, предназначалась приватизация с обесцененными активами. Это и было, по большому счету, то «вскрытие консервной банки», о котором мне когда-то говорил один зарубежный собеседник на международном семинаре.

ВСЕСОЮЗНЫЙ РЕФЕРЕНДУМ О СОХРАНЕНИИ СССР

Хроника: 17 марта 1991 года в Советском Союзе прошел всесоюзный референдум о сохранении СССР. Вопрос референдума: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных, суверенных республик, в которых в полной мере будут гарантироваться права и свободы человека любой национальности».

Зампредседателя Центризбиркома Головкин: Итак, наша страна, советский народ пережил впервые в своей истории такую крупную политическую акцию как референдум, как опрос народа по коренному вопросу нашей жизни – быть ли нашему Союзу обновленным. И сегодня мы уже можем говорить о результатах проведенной работы. В референдуме приняли участие более 185 млн. советских людей. Они были внесены в списки как избиратели и из этого числа ровно 80 % населения приняли участие в референдуме. Из них 76,4 % высказались в пользу Союза, т.е. сказали «да».

Из интервью Сергея Васильева журналу «Forbes» 2 марта 2010 года: В марте (1991 года) был большой семинар в Париже. Его организовал либеральный политик Ален Мадлен, который был потом премьером. «Французский Гайдар». И были почти все: и Гайдар и Глазьев, и Машиц ... И когда мы ехали в автобусе, Петя (Авен) подсел и говорит: пора думать о правительстве. Павлов сейчас обделается, на место его посадят Вольского, он должен либерализовать цены, а потом, чувствую, придется заступать нам. (Сергей Васильев: В 1991-1994 годах – руководитель Рабочего центра экономических реформ при правительстве РФ)

ПАРИЖСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Новиков: К прозвучавшему здесь мемуарному свидетельству Сергея Васильева можно относиться двумя способами. Первый: как к лестничному остроумию. Вот, спустя много лет, кто-то говорит, что его друг предвидел попадание в правительство ещё весной 91-го года. Второй

способ отношения: как к чему-то серьезному. И для серьезного отношения основания есть. Начнем с того, что этих слов ни сам Авен, ни те, кто в этом разговоре участвовали, не опровергли. Если это так, то мы может считать, что действительно весной 91-го года Петр Авен рассматривал возможность попадания членов той команды в высшие правительственные сферы. И если это так, то на чем строилась тогдашняя уверенность Петра Олеговича? Эта уверенность покоилась на том, что некая линия, которую олицетворяют собой Павлов, Вольский и другие деятели подобного типа, провалится. И провалившись, исчерпав себя, вместо неё будет востребована иная линия, олицетворенная Авенем, Гайдаром и прочими. А почему условная линия Павлова-Вольского должна провалиться? Начнем с того, что Павлов и Вольский, при всех своих личностных масштабах, клановых противоречиях и всём прочим, не советисты-реставраторы. Это не Лигачев. Это сторонники проведения госкапиталистических реформ в СССР. Госкапитализма по китайскому образцу. А в случае Вольского – может быть, чуть более вестернизированного. Начиная с конца 90-го года было видно, как все группы, ориентированные на госкапитализм, на своего рода китайский путь для СССР, начинают последовательно проваливаться. Первым провалился Рыжков. Дальше на его месте оказывается Павлов, который начинает проседать с первых шагов. По формальной логике Вольский действительно мог быть следующим премьером. Линия на создание госкапитализма, условная линия Рыжкова-Павлова-Вольского, – её и торпедировали, и она сама проваливалась во многом по объективным причинам. Уже таковы были масштабы политического и экономического кризиса в СССР, что у этой линии не было ни времени, ни ресурсов для спокойной реализации. Но эту линию и торпедировали внешние и внутренние силы. Внешние силы боялись, что реформирование СССР на основе госкапитализма приведет к его нежелательному усилению. С внутренними силами всё сложнее. Совершенно очевидно, что Горбачев

уже видел в Рыжкове своего политического конкурента. В Павлове его он видел меньше: и масштаб личности Павлова, его возможности были намного меньше, чем Рыжкова. Но, тем не менее, Горбачев видел Павлова также политическим конкурентом. Безусловно, линия на госкапитализм, предполагавшая сохранение СССР, торпедировали те, кто хотел глубоких трансформаций СССР, его развала уже не на либеральных, а на глубоко антилиберальных основаниях. В первую очередь, это то, что называют «русской партией». Видимо, Петр Авен эту конъюнктуру хорошо чувствовал. Он человек тонкий, умный, с юных лет привыкший к пребыванию если не во властных, то околовластных коридорах. Видимо на этом была основана его тогдашняя уверенность, что «дальше заступать нам». Единственно, интересная деталь, что Авен в этой фразе говорит, что Вольский либерализует цены. Т.е. самого неприятного и политически самоубийственного члена команды Гайдара всё-таки хотели для себя избежать.

НОВООГАРЕВСКИЙ ПРОЦЕСС

Кургинян: Если говорить о Новоогаревском процессе, то, может быть, было бы интересным затронуть наряду с другими его аспектами аспект исторический. Перед тем, как перейти к нему, надо сказать, что это был самый опасный из всех, которые происходили в этот период. В ходе этого процесса борьба Горбачева с Ельциным, наконец, приобрела такую форму (вот это я знаю точно), что было принято решение, что надо выбивать из-под Ельцина стул с помощью введения в статус союзных республик Татарстана, Башкирии и всех автономных республик Российской Федерации, и дальше придания конфедеративного статуса. Тогда, мол, Российская Федерация тоже ослабнет, Ельцин испугается и с ним можно будет строить другой баланс отношений. Иначе говоря, в Новоогаревском процессе в распыл могло быть пущено всё, не было бы даже Российской Федерации в её усеченном виде. И не факт, что часть ГКЧП, Крючков и

другие, не понимали, чем чревато дальнейшее развитие Новоогаревского процесса, что оно ещё опаснее, чем ельцинский процесс. Ельцин освободится от республик, но схватится зубами и руками за власть в Российской Федерации и никому её не отдаст. И это пространство каким-то образом сохранится как плацдарм для будущего восстановления. А если дать Горбачеву доделать дело, то страна будет пущена в распыл полностью, раз и навсегда и необратимо. Поэтому новоогаревский процесс опаснее всего, но он не нов. Это не то, что люди вдруг задумались о том, как бы им это так всё в распыл пустить. Исторически это началось достаточно давно и, хотя у меня нет окончательных доказательств собственной правоты, тех утверждений, которые я дальше буду делать, но у меня есть серьезные доказательства того, что уж как минимум подобного рода утверждения можно рассматривать в качестве хорошо фундированных гипотез. Так вот, гипотеза такого рода состоит в том, что после Сталина никому из крупных политических, партийных, хозяйственных, элитных, военных, спецслужбистских игроков, членов Политбюро и т.д. Советский Союз не был нужен вообще. И вся эта мировая коммунистическая система тоже. Возможно, было нужно что-то другое и вопрос о борьбе других моделей, альтернативных Советскому Союзу в том виде, в котором его создал Сталин, начался ещё при жизни Сталина и очень сильно развернулся после его смерти. При жизни Сталина в первом приближении были два полюса этой игры. Ленинградцы, которые требовали создания отдельной партии, как для всех союзных республик, большего хозяйственного обособления. Ничего особенного они тогда не требовали, естественно. Это были первые шаги подготовки к тому, что в дальнейшем называют «Россией без чурок». Т.е. РСФСР или Россия убирает все субстраты, которые её беспокоят, потому что приходится делить власть, под них приходится ориентировать свою идеологию и т.д. и т.п. Этот замысел родился очень давно, и он был реакцией даже не на

Сталина. Сталин держал баланс между русскими и кавказско-среднеазиатскими, нерусскими группами. В основном это был протест против Берии, который уже начал переигрывать сталинскую игру в свою сторону. Берия это видел примерно так. Примерно, потому что это можно описывать довольно долго. Он считал, что в союзных республиках должны быть национальные языки, национальные первые секретари, и вообще они должны входить на неких конфедеративных началах в общее государство. При этом в Москве все должно существовать на равных правах. Соответственно, нац. кадры должны получить полные опорные базы в союзных республиках и паритет в Москве. А сочетание паритета в Москве с полной опорной базой в союзных республиках означало, что они получают огромное преимущество. И было совершенно не ясно, как они воспользуются этим преимуществом. Это был план Берии. План же его противников состоял в основном в том, чтобы отделить этих чурок, среднеазиатских, кавказских, заодно и каких-нибудь других, остаться на меньшей территории и на ней получить всю власть. Это был потаённый русский план. Сталин играл с этими двумя группами. Он же не зря спас Буденного, когда Семен Михайлович, к дому которого приближались бериевские работники, пытался отстреливаться из пулемета, как гласит предание. Сумел дозвониться до Иосифа Виссарионовича. Когда в таких случаях Иосиф Виссарионович не хотел, то до него не дозванивались. Сталин понимал, что Семен Михайлович – человек порывистый, что у него не залежится. И что если он только даст ему сигнал, то он Берию на куски изрубит, изжарит и съест. Шучу, естественно. Формировались группы параллельно, рядом с ним. Вот тот же Патоличев и так далее, они подгребали к этой группе. Это было такое большое пространство соответствующих групп, которое, между прочим, тянется и тянется, следы которого можно увидеть сегодня в элитной массовке, борьбе в постсоветской России. Бериевская группа, очень ослабленная после того,

как Лаврентий Палыч с ближайшими сподвижниками печально закончили свою политическую карьеру, но, тем не менее, оставалась. И естественно, была достаточно сильно разветвлена. Те же самые Гвишиани и другие – это же явные следы той группы. И там было ещё много людей, которые по взглядам своим вполне двигались в ту сторону. И в принципе не факт, что не в эту же сторону двигался и Юрий Владимирович Андропов. Хотя вопрос, в какую сторону двигался Юрий Владимирович, настолько сложен, что может стать предметом отдельного многотомного исследования. Итак, эти две модели боролись и наступило время, когда каждая из этих моделей в перестроечный период потребовала своего оформления. Русская, уменьшительная группа, которая всё время хотела, чтобы эти республики убралась куда подальше и дали жить спокойно, сначала пыталась делать ставку на Николая Ивановича Рыжкова, но он был и более просоветски настроен. И в какой-то момент обозначил отсутствие у него предельных претензий. Или то, что он отступает перед некими препятствиями, которыми могла быть и болезнь, но и что-то другое тоже, определенный уровень политических рисков. Никто этого не знает до конца, как сплелись эти политические риски и болезнь, но дальше на Рыжкова точно было ставить нельзя. А хотелось ставить на какого-то своего. Это ещё была борьба двух военно-промышленных комплексов. Один из этих военно-промышленных комплексов никогда ничего не проигрывал ни американцам, ни европейцам, – и поэтому жил плохо. Так была построена советская жизнь. Называлось это на их языке: «звезду на грудь, «Волгу» под зад и дачку в зубы». И всё! Это было всё, что касалось производства танков, ракет, судов – всего, что не требовало тонкой электроники. Другая же группа, которая эту электронную гонку всё время проигрывала, каталась как сыр в масле, потому что именно её вывозили закрытыми каналами за рубеж. А что такое вывезти такую группу закрытыми каналами за рубеж? Это надо понимать! Выводят-то зачем? Там украсть

технику и привести сюда. Это значит заплатить своей агентуре. Сколько ей надо заплатить? Сколько она назовет. А как произойдет дележ между агентурой и особо порывистыми членами сообщества, которые уже готовы работать на этой рискованной зоне? Да как угодно! У тебя есть агент Билл. «Билл, сколько тебе надо, чтобы унести эту деталь за 100 долларов?» «А я хочу миллион!» «Миллион много, 500 тысяч». «Хорошо, 500 тысяч». «Но только ты мне назад отдай 250 тысяч». «Хорошо, отдам». Вы всегда должны помнить о том, как начиналась история начального накопления, как накапливались эти первые капиталы. Где существовали точки, в которых советская жизнь уже перестала устраивать, которые очевидным образом находились в кольце той, западной природы. Когда два мира взаимодействуют друг с другом и эти два мира построены на разных основаниях, то всегда есть интерфейс между ними. И в этом интерфейсе и заводятся все черти, потому что два разных мира не состыковать напрямую. Значит, тебе нужна серая зона. В серой зоне все черти и водятся. Борьба происходила между Свердловском, который называли Танкоградом и всей Москвой и Ленинградом, которые занимались высокими военными технологиями. Эта борьба тоже олицетворяла смену руководителей. Сначала оперлись на Рыжкова, директора Уралмаша, потом на Ельцина. Дела Фильшина, которые очень часто обсуждают, сейчас может и не часто, но они у меня в памяти. Они в чем заключаются? Наконец, эта группа, которая честно работала на СССР, поняла, что вторая группа хочет приватизировать страну, со всеми её зарубежными закладками, которые будут фигурировать как западные деньги. А она остается ни при чем со своей «дачкой в зубы, «Волгой» и пинком под зад». Что она сделала? Она быстро реализовала всё сырье, накопленное на складах. Так образовался «спортинвентарь», который завалил Запад в гигантских количествах. Делались супертитановые гантели, штанги из высочайших сплавов, которые потом переплавлялись и составляли

гигантские партии металла. Применялись и другие методы. Так образовались деньги, которые потом надо было каким-то образом ещё и ещё раз прокрутить. И тогда возник ещё и Фильшин с его конвертациями рублей в доллары и дополнительными операциями, связанные с тем, чтобы уровнять в своих правах разные группы. Тогда под каждую из этих групп уже подвели огромный фундамент. Возникли экономические интересы, модели приватизации, представления о должном. Проекты, главное, проекты. СССР уже нельзя было ввести в Европу. Он должен был существовать автономно. А как существовать? Опять мобилизационная модель. А Россию, считали, если уменьшить, отделить от чурок, то ее можно ввести в Европу. А когда ввели в Европу, то это самое крупное ядерное государство с самым большим населением. Американцев – вон. Зачем американцы, если Россия мирится с Европой? И возникает некая мечта. Назвать её мечтой Андропова я не берусь, но что, что это всё проигрывалось, серьезно обсуждалось – это абсолютно точно. Поэтому внутри элиты тогда сформировались две концепции. Первая концепция – почти полного распыления с последующим поглощением частей разными зонами мира. И вторая концепция – сохранение русского ядра, хотя бы временно для его введения в Европу. Этим занимался Ельцин, а концепцией распыления занимался Горбачев. В этом смысле Ельцина можно назвать наследником и ленинградцев, и наследником всех этих русских групп, как это не парадоксально звучит. А Горбачева – наследником Берии. И через эту призму можно дополнительно увидеть то, что представляет собой постепенный распад Советского Союза, и задать себе вопрос: а как этого можно было избежать? И не зря ли когда-то Сталин, если верить опять-таки партийным апокрифам, узнав, как дети одного из его соратников начали играть в «Майн Кампф» ещё до конца Великой Отечественной войны, произнес роковые слова: «Проклятая элита!» Произнес ли он их в действительности, но апокриф говорит о

многом. Подводя черту, я могу сказать о следующем. Первое: Новоогаревский процесс недооценен в том, какую опасность он представлял в точки зрения абсолютного прекращения бытия России. Абсолютного! И второе: Новоогаревский процесс был частью долгоиграющей пластинки. И пока мы всё это не опишем, не знаю, сколько нам для этого понадобится книг и лет, мы не раскопаем глубоко, как именно распадался Советский Союз, какие скрытые механизмы привели к нашей государственной метафизической и политической, экономической и социальной, и прочей катастрофе, которая страшным образом повлияла на судьбу мира и создала гигантский перекося, который, возможно, даже не удастся исправить. Но если мы хотим покопаться в этих хитросплетениях и всё-таки разобраться, что же там было к чему, то нам придется отступить от новейшей истории с её Новоогаревским процессом к более дальним горизонтам и видеть сопряжение одного с другим. Тогда и сами новейшие горизонты, такие как «Новоогарево» будут пониматься нами совсем иначе.

ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА РСФСР

Хроника: 12 июня 1990 года первый съезд народных депутатов РСФСР принял декларацию о государственном суверенитете РСФСР. Декларация утвердила приоритет Конституции и законов РСФСР над законодательными актами СССР. На выборах 12 июня 1991 года в первом туре Ельцин получил 57 % голосов.

Клятва президента Б. Ельцина: Граждане Российской Федерации, клянусь при осуществлении полномочий Президента РСФСР соблюдать Конституцию и законы РСФСР, защищать ее суверенитет, защищать свободы и права человека и гражданина, права народов РСФСР и добросовестно исполнять возложенные на меня народом обязанности.

ПРОЕКТ ДОГОВОРА О СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ СУВЕРЕННЫХ РЕСПУБЛИК

Окончательная редакция «Договора о Союзе суверенных государств» была опубликована в газете «Правда» 15 августа. Подписание было намечено на 20 августа 1991 года.

Кургинян: ГКЧП – одна из самых трудных тем в нашей истории, поэтому рассказывать об этом тяжело, опять-таки ещё и потому, что очень трудно многое доказать. Те люди, которые могли бы поведать об этом из первых уст, уже ушли в небытие и никогда ничего не расскажут. Я очень близко знал этих людей или часть из них и могу рассказать о том, о чем редко эти люди говорили. Первая модель ГКЧП состояла в том, чтобы мягким или жестким путем отстранить от власти Ельцина и защитить Горбачева. Горбачев был совершенно не против такого ГКЧП. И когда в пьяном виде спускаясь с трапа (самолета), он называл участников ГКЧП чудаками на букву «м», то он имел в виду именно это, что чудаки на букву «м» сделали совершенно другое, совсем не то, что он предполагал. Кстати, об этом написал Валентин Павлов в своих мемуарах. Он говорил, что «мы должны были физически ликвидировать Ельцина, после чего Горбачев ликвидировал бы нас, разгромил бы нас, но Ельцин как препятствие исчез и можно было бы продолжить Новоогаревский процесс». Главное тут – Новоогаревский процесс! Все члены ГКЧП понимали, что если они уберут Ельцина как преграду на пути Горбачева и оставят Горбачева, то Горбачев так развернется, что по отношению к нему Ельцин окажется меньшим злом. Но была группа людей, которая считала «ну, сделаем так, ну, всё равно Горбачев образумится и всё прочее». Хотя другая группа людей очень не доверяла тому, что Горбачев образумится, понимала, что Горбачев вписан в какую-то невнятную международную обойму и если он затеял этот процесс, то он доведет его до конца. Вообще Горбачеву к этому моменту никто не верил, никто не хотел на него работать. Потому что все понимали, что те, кто на него работают, горят один за другим. На Кавказе, в Прибалтике и так далее. Выполняют его поручения, а потом он говорит,

что ничего подобного не поручал. И люди оказывались под очень сильным ударом разных сил, иногда и предельным. Но вот эта группа, которая хотела сработать на Горбачева, была. Но, по-видимому, она была всё же в меньшинстве. Вторая группа, как это ни странно, хотела сыграть на Ельцина. Да, да, группа, находившаяся в ГКЧП, от отчаяния, от понимания того, что выбирать нужно между Новоогаревским процессом и ельцинской уменьшительной русской великодержавностью, хотела сыграть на Ельцина. В двух вариантах. Один вариант предлагался очень высокими лицами в окружении Павлова и был проработан до конца. Согласно этому варианту Ельцин должен был стать президентом Советского Союза. С моей точки зрения это был оптимальный вариант. Потому что, схватившись за Советский Союз, Ельцин власть никогда бы не отдал, всё привел к одному знаменателю. Властного инстинкта у него было достаточно для этого. Те реформы, которые бы начались, никогда не были бы реформами Гайдара, просто по причине того, что нужна была бы выборная единая власть, пространство было слишком разнородное, здравый смысл в каком-то смысле победил бы. Осталась бы территория, рано или поздно установился бы вменяемый порядок. А потом история отыгралась бы туда, куда она должна была отыгрываться. С Ельциным мы уже договорились, мы всё проработали. Это была самая интересная группа, и она привлекла самое пристальное внимание человека, который руководил всем, что происходило в ГКЧП. Это был Владимир Александрович Крючков. Была вторая группа, которая говорит, что, ладно, быть может Ельцина не удастся сделать президентом СССР, давайте отдадим ему Россию, он в ней проведет жесткие реформы. Русский народ разочаруется в капитализме достаточно быстро. Тогда процессы повернутся назад, Россия войдет в нормальную колею, к ней присоединятся остальные республики в том виде, в каком надо и всё будет сделано. Этот проект назывался «ёж», по строчкам из стихотворения,

которое написал Ю.В. Андропов после первого инфаркта: «и постигаешь истину конкретно, когда вдруг сядешь голым задом на ежа». Он имел в виду свой инфаркт. Но «ёж» – это был еж капитализма, на который должен был сесть голым задом народ и, разочаровавшись в этом деле, сразу вернуться в социализм. Это была очень широко обсуждаемая версия, она казалась очень умной и её творцы, часть из них уже умерла, часть ещё жива и вполне процветает, потом бегали ко мне и спрашивали в 93-94-95 годах: «А где замер снизу?» Почему народ, так сильно севший на ежа, по всем правилам и так, как было надо, почему он не реагирует? Откуда отсутствие болевых реакций, замера снизу. Итак, эти группы, которые хотели либо «ежа», а значит, были готовы на то, чтобы распустить Советский Союз, как они считали, временно, чтобы обеспечить разочарование русского народа в капитализме, потому что в противном случае что делать? Что делать? Упования, действительно, были очень велики и были связаны с фигурой Ельцина и т.д. и т.п. Ну, убрали его, все эти упования загнали внутрь, мятежи начнутся в декабре 1991 года, максимум, в феврале-марте 1992 года. Что дальше с этим делать? С забастовками и всем прочим? Что предложить людям? Коммунизм? А они уже облизнулись на капитализм? Какой-то смысл в том, что эти люди говорили, был. Третий вариант состоял в том, чтобы убрать обоих – и Горбачева, и Ельцина. Утвердить какой-то разумный проект, спасти Советский Союз, ввести в берега всех этих деятелей, начать разумные реформы. Вот Шенин, например, до конца верил, что только так и надо делать. Надо убирать обоих, становиться у руля, народ не восстанет, поверит, вернется в лоно великих идей и страна заживет хорошей жизнью. Конечно с рынком, конечно с преобразованиями, которые необходимы. Никакого застоя мы не допустим, но в целом всё будет по-социалистически. Вот эта группа Шенина, несколько групп, связанных с Павловым, группы, связанные с Горбачевым, и группы, которые делали

параллельные ставки. Они тоже существовали. На второй день люди, которые бегали в американское посольство и говорили о том, что коммунисты готовят нечто страшное, стали приходить к членам ГКЧП и предлагать себя на роль диктаторов. Это просто клинический факт. Решался вопрос в частности в тех немногих силовых подразделениях, которые были готовы действовать. Было понятно, что нужно действовать, если уж взялся за ГКЧП. И эти подразделения уже правили бал сами. Они выдвинули предложения, которые для тех, кому они были выдвинуты, оказались абсолютно неприемлемы. Эти предложения касались установления диктатуры одних из членов ГКЧП, при том, что участь других членов ГКЧП была бы весьма прискорбной. Назвать эти предложения моральными невозможно. И то, что они были отвергнуты теми, кому они были сделаны, с моральной точки зрения делает им честь. Но с политической точки зрения это повлекло за собой гигантские бедствия и тот, кто их отверг, до конца жизни очень много думал о том, зря он это отверг или нет. Что тут было правильно с высшей точки зрения. Но главное дело заключалось в том, что и адресаты этих предложений, и те, кто их делали, и все остальные члены ГКЧП ни на что суперрешительное были не готовы. Это были либо администраторы, которые хотели простых и ясных спасительных решений, а таких решений не было. Либо игроки, которые были готовы передвигать фишки по полю и которые были не готовы сделать отчаянный, авантюрный шаг, да ещё обильно политый кровью. Это обращает нас к теме Наполеона, который наблюдал за французской революцией и говорил, что ему достаточно одного батальона, чтобы разогнать всю эту сволочь. Но это ему нужен был один батальон, человеку, беспредельно готовому действовать и находившемуся вне системы. А тем, кто находился в системе, они к тому моменту уже пропитались внутренней исторической слабостью самой системы. В этом было что-то гуманистическое. Они действительно не

готовы были к пролитию крови. Крючков не был готов к пролитию крови ни своих соратников, ни населения. Он был в близких отношениях с Цзян Цземинем, руководителем Ки-тая, и даже его убеждал, что Тяньаньмэнь – неправильно. Тот его слушал, кивал, его уважал. Вот, знаете, сложное чувство бывает. Вроде бы люди из организации, которой в другие времена убить человека – что зубы почистить. А к этому моменту – нет, уже не хотят, не могут. Внутренний исторический паралич. Не ощущают окончательного исторического права на что-либо подобное. Они выбиты из седла перестройкой, этим сломанным хребтом. Сломали хребет не только народу, но и им. И вот это внутренняя слабость, морально вызывающая самые теплые чувства, а политически, метафизически, экзистенциально очень разочаровывающая, о чем я неоднократно говорил членам ГКЧП, вот она была сутью явления. За ней есть тоже очень глубокие корни, потому что люди потеряли основополагающие характеристики, которые были у отцов-основателей. Давайте вспомним одну историю в этой связи. Одну я наблюдал с близкого расстояния, другую наблюдали все. Одна касалась Вильнюса. Что касалось Вильнюса, когда туда ввели войска, это отдельная песня, потому что уже сделаны некоторые публичные признания и люди, которые там были в числе самых радикальных сепаратистов, признались, что они руководили снайперами, которые стреляли по десантникам. Это вовсе не КГБ, не Альфа. По всем целям, по своим, прибалтийским, по десантникам стреляли некие снайперы из третьей силы. Другое дело, что эти люди ещё не рассказывают о генезисе этой силы, чьи всё же были снайперы. Ну, фотографии этих снайперов есть. Короче говоря, это была операция наших спецслужб и американцев, вильнюсская, вместе, и работали уже на паях. И операция была связана с тем, чтобы ускорить распад Советского Союза. И Горбачев, видимо, даже понимал, как это именно внутри устроено. Ну, это Вильнюс. Но внутри этой операции был один момент, когда штурмовали телебашню.

Потому что им хотелось «завоевать телевизоры». Они все рвались к телевизору, понимали, что это средство идеологической пропаганды, они могут переубедить народ, повернуть на свою сторону. Они рвались, они пожертвовали людьми и они пришли на телебашню, взяли штурмом телевидение, посадили туда трудно говорящего по-русски полковника ГРУ с окаменелым лицом, который глядя в камеру без выражения зачитывал сводки. Ничего другого они по телевизору не показали. Зачем они туда рвались и что они хотели там делать, было не понятно. И уже тогда стало страшно. А потом стало ещё страшнее. Потому что, в тот момент, когда ГКЧП взял власть, телевидение было отключено вообще и там было поставлено одно великое произведение искусства – балет «Лебединое озеро». Балет, с метафизическим смыслом, борьба тьмы и света, но балет. Вы можете себе представить, что Ленин и Троцкий, прорвавшись на телевидение, пустили балет! Они бы говорили 24 часа в сутки, меняя друг друга, заражая массы, убеждая их в том, что нужно идти этим, а не другим путем. Здесь всё это было закончено. Вопрос был не в том, как и у кого дрожали руки. В конце концов у людей не было видеотренинга, ситуация была кризисная, не все понимали, что происходит. Главный шок был от того, что не арестовали Ельцина, что, конечно же, планировалось изначально. Людей можно было понять, они не понимали, на каком свете живут и зачем их выставили под телекамеры, перед которыми они не умеют разговаривать. Но это одна история. Вторая история заключается в том, что у них не было подготовлено телевизионной программы, сетки на случай, когда они введут ГКЧП. Кто будет говорить, что будет говорить, к чему будут призывать! Они даже не хотели опираться на народные массы. Они играли, занимались большим историческим процессом. Это свойство усталых элит, свидетельство элитного идеологического исчерпания, свойство как бы вторичной морали, которая отсутствует у начальных политических деятелей, потому что это место занимает высокий смысл. Ad

majorem Dei gloriam. Для вящей славы Господней. Да, для вящей славы идеи всё позволено. Цель оправдывает средства. Когда нет цели, тогда средство оказывается ничем не оправдано. И когда их спровоцировали на небольшое количество странно погибших людей, то они сразу отошли. Отошли потому, что они морально для себя решили, что только до первой крови. Вот такие явления, наверно, называются блеск и нищета. Невозможно ни поносить это всё проклятиями, ни славословить бесконечно, это сложный процесс. Сложная игра, не до конца ясная всем, кто в ней участвовал даже, и тем более населению. Это внутренняя эволюция политического субъекта, от Ленина, Троцкого и Сталина к ГКЧП. Эволюция неоднозначная. С одной стороны исчезает предельная кровожадность и желание использовать любые средства для достижения целей. С другой стороны исчезает цель и оказывается, что никакие средства нельзя использовать. Вот в чем трагедия и сложность того, что произошло в эти страшные для нас и для мира дни.